



УДК 821.161.1.09-2+929Островский

«БОГИНЯ БЕЗЗАБОТНОГО СЧАСТИЯ»: ИГРЫ ЛИДИИ ЧЕБОКСАРОВОЙ

К. М. Захаров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: zahodite@mail.ru

В статье рассматривается образ Лидии Чебоксаровой, героини пьесы А. Н. Островского «Бешеные деньги», в контексте реализации в тексте игровых мотивов. Автор останавливается на поведенческих стратегиях персонажа, его мировоззрении, стилистическом диапазоне.

Ключевые слова: А. Н. Островский, комедия, игра, мировоззрение.

'The Goddess of Light-Hearted Happiness': Lidiya Cheboksarova's Games

К. М. Zakharov

The article deals with the image of Lydia Cheboksarova, the heroine of the play by Alexander Ostrovsky *Money to Burn*, in the context of the implementation of the game motives in the text. The author focuses on behavioral strategies of the character, its world outlook, stylistic range.

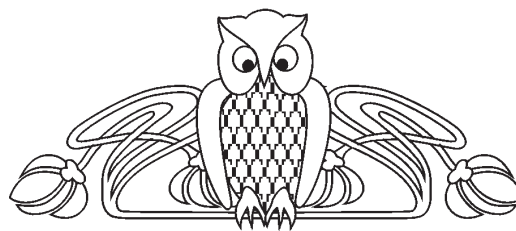
Key words: A. N. Ostrovsky, comedy, game, world outlook.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-191-193

«Бешеные деньги» – комедия, написанная А. Н. Островским под влиянием французских «салонных» нравоучительных пьес. На чисто бытовом материале она рисует картину нравов, исследует природу праздного образа жизни как социальной нормы и становления порядка, который для обитателей дворянской Москвы кажется новым, а для современного человека привычным.

Советская научная традиция с ее превалирующим социологическим подходом в этой распространенной драматической притче о Стрекозе и Муравье основное внимание уделяло «Муравью» – Савве Игнатьевичу Василькову, наблюдая, как великий драматург зафиксировал нарождающийся тип буржуазного предпринимателя. Чуть меньше внимания доставалось существующему почти на периферии фабулы любимцу публики Егору Дмитриевичу Глумову, уже знакомому зрителям по популярной «На всякого мудреца довольно простоты». Мы позволим себе, рассматривая этот перенесенный на сцену «очерк нравов», сосредоточиться на образе молодой жены Василькова – Лидии Чебоксаровой.

Для поведения Лидии Юрьевны характерны поменявшиеся местами приоритеты в ее картине мира. Для нее светское пребывание, выезды и приемы не способствуют заключению брака и завязыванию романов, а наоборот. Впрочем, во



многом это «перевертывание» объясняется воспитанием ее матери Надежды Антоновны, которая в ответ на предложение Василькова Лидии пойти в экономки выдает афоризм с куда более радикально смещенными ценностными акцентами: *Человек из порядочного общества так поступать не может, он скорее убьет жену, а такого предложения не сделает*¹. Для Чебоксаровой-старшей, которая казнокрадство своего супруга считает исполнением долга, – это лишь следующая логическая ступень супружеских отношений.

Все сценическое существование Лидии Чебоксаровой, начиная со второго действия и до самого финала, представляет собой попытку восстановить статус кво, нарушенный в тот момент, когда ее отец разорился и оказался не способен обеспечивать ее с матушкой проживание в Москве. Она борется за охранение своего привычного образа жизни, пытаясь перебороть постоянно изменяющиеся обстоятельства. Ради возвращения к исходной точке она способна на любые уступки, будь то брак или супружеская измена, причем оба этих поступка выглядят для нее равносильными. Она идет на один и планирует другой одинаково легкомысленно, ведь и то, и другое она воспринимает условностями, действиями, требующими лишь обозначения. О предполагаемой измене мужу с обещающим финансовую поддержку Кучумовым она договаривается с такой же «необыкновенной легкостью», что и о браке с Васильковым. «Лидия постоянно ведет игру, надевая маску любящей жены, задумывая обман за обманом»².

Любое столкновение Лидии Чебоксаровой с непривычными ей внешними затруднениями подталкивает ее к моральному компромиссу, связанному с притворством и легкомысленным распоряжением собой. Весть о разорении ее отца немедленно наводит ее на мысль искать послушного и состоятельного мужа (кандидатами рассматриваются Телятев и впоследствии Васильков).

Лидия. Отделявайте заново квартиру, покупайте новую карету, закажите новые ливреи людям, берите новую мебель, и чем дороже, тем лучше.

Надежда Антоновна. Где же деньги?

Лидия. Он за все заплатит.

Надежда Антоновна. Кто он?

Лидия. Муж мой.



*Надежда Антоновна. Кто твой муж, где он?
Лидия. Кто бы он ни был³.*

Несговорчивость новообращенного супруга так же стремительно приводит ее к мысли существовать за счет любовников. Причем героиня делает стремительный шаг на новый уровень цинизма и лицемерия.

Надежда Антоновна. Если б ты оказала ему побольше ласки... Переломи себя.

Лидия (задумавшись). Ласки? Ласки? О, если только нужно, он увидит такую ласку, что задохнется от счастья. Это мне будет практикой. Мне нужно испробовать себя, сколько сильна моя ласка, и что она стоит на вес золота. Мне это годится вперед, мне без золота жить нельзя. <...> Бояться порока, когда все порочны, и глупо, и нерасчетливо. Я доселе была скромно кокетлива, теперь я испытую себя, насколько я могу обойтись без стыда⁴.

Здесь чрезвычайно важный, может быть, даже кульминационный момент в сценическом существовании Лидии. Формулировка «Это мне будет практикой» указывает на то, что она планирует «профессионализировать» свои женские чары. В своем беге от бедности она воспринимает свое пренебрежение стыдом как осознанный и ответственный шаг в личном становлении: *Это будет первый мой женский подвиг*. С этого момента она окончательно собирается подчинить свою жизнь игре, самостоятельную обеспечивая себя за счет своих поклонников.

Необходимо отметить, что Лидия Чебоксарова не очень реально оценивает свои силы и способности «мастера интриги», пусть даже и исключительно куртуазной. Обратим внимание на то, что ни одна из инспирированных ею игр не увенчалась успехом. Телятев бежит от попытки спровоцировать его на помолвку. Женившийся на ней Васильков не принимает навязываемых ему правил и отказывается оплачивать обширные расходы супруги. Намерение решить свои материальные вопросы за счет пожилого воздухоплетеля также не реализовалось (*Васильков: Но я не знаю, что спасло ее от падения – честь, или недостаток денег у Кучумова⁵*). И, наконец, ее симуляция в последнем действии не убедила Василькова. «Особенно показательна в этом отношении сцена “умирающей” Лидии. Представленная ею безжалостная и неприличная комедия трансформируется из разыгрывания трагедии в фарс»⁶.

Лидия постоянно планирует игру, полагая, что ее красоты и простейших способностей к притворству достаточно для успеха затеваемых ею предприятий. Но, не имея ловкости и хитрости, которых в избытке, например, у Глумова, она постоянно переоценивает свои возможности и из раза в раз попадает впросак. Все это становится одной из причин ее капитуляции в финальной сцене.

Сцена призыва Василькова к одру «умирающей» супруги свидетельствует об узости стилистического диапазона Лидии. Здесь мы видим

ту же патетику, ту же декламативность, те же наигранные жесты, что ранее уже не помогли ей добиться успеха. Неслучайно даже влюбленный в нее Телятев скептически оценивает актерские способности Лидии Юрьевны.

Лидия. Я в актрисы пойду.

Телятев. Талант нужен, Лидия Юрьевна⁷.

Еще до начала действия пьесы, под влиянием маменькиного воспитания и безотказности отца Чебоксарова раз и навсегда (как ей кажется) определила формат своей жизни и старается максимально четко ее придерживаться. В ее «кукольном доме» блокируется ненужная для нее тревожная информация, ее внешний вид и настроение почитаются главными ценностями. А все, выходящее за пределы ее нарциссического гедонизма (в том числе собственные обязанности и человеческие отношения), ею автоматически зачисляется в разряд «комедий». Н. А. Коломлина указывает, что поведение Лидии полностью исчерпывается набором ролей и продиктованных ими ситуаций: «Роль светской барышни приросла к Лидии, настолько проникла в характер героини, что уже нельзя отделить наигранный от настоящего, ролевое поведение от поведения естественного, которое уступило место ролевому, растворилось под его давлением»⁸.

Поединок Лидии во многом мировоззренческий. Она воюет с обстоятельствами, со всем жестоким миром не только за свой жизненный уклад. Она пытается отстоять свои ценности, свое право на приват игры над «серьезным», свое право быть непрacticной, быть легкой, быть женщиной (в ее собственном понимании этого слова).

И финал можно воспринимать как поражение ее позиции и торжество аскетичного Саввы Игнатьевича, «не признающего никаких светских хитростей и циничных игр»⁹. Автор даже вкладывает в уста героини монолог, которым она практически разоблачает свой образ жизни и признает несовременность и бесперспективность избранного ею образа жизни.

Лидия. Моя богиня беззаботного счастья валится со своего пьедестала, на ее место становится грубый идол труда и промышленности, которому имя бюджет. Ах, как мне жаль бедных, нежных созданий, этих милых, веселеньких девушек! Им не видать больше изящных, нерасчетливых мужей! Эфирные существа, бросьте мечты о несбыточном счастье, бросьте думать о тех, которые изящно проматывают, и выходите за тех, которые грубо наживают и называют себя деловыми людьми¹⁰.

Но именно поражение Лидии в ее попытках обхитрить всех и вся неминуемо приводит к проблеме «наивности» и «простодушия» ее супруга. Окружающие воспринимают его именно беззащитным и доверчивым:

Глумов. А как характером?

Телятев. Прост и наивен, как институтка¹¹.

Находясь на сцене в одиночестве, он признается себе: *...стыдно роль играть! Что под-*



скажет мне глупое провинциальное сердце, то и сделаю¹². Более того, он опасается, что его наивность позволит ему стать жертвой:

Да, такая красавица легко может взять власть над моей младенческой душой. Я чувствую, что буду игрушкой женщины, ее покорным рабом¹³.

Он с легкостью поддается нехитрым манипуляциям семейства Чебоксаровых и Глумова, до поры до времени выполняя в конфликте пьесы функцию «жертвы порока». Но финал пьесы позволяет заново взглянуть на его простодушие и искренность, к которому читатель/зритель в ходе действия пьесы уже привык.

После практически ритуального «наказания» супруги и «развенчания» ее до «экономки» Савва Игнатьевич вдруг намечает перспективу гипотетической реабилитации:

Васильков. Потом, если вы будете со мною любезны, я свезу вас в Петербург, <...> У меня в Петербурге, по моим делам, есть связи с очень большими людьми; сам я мешковат и неуклюж; мне нужно такую жену, чтоб можно было завести салон, в котором даже и министра принять не стыдно¹⁴.

И зрителю/читателю ясно, что это не только что появившаяся у Саввы Игнатьевича идея, а возвращение к мысли, которую он заявил в первом же явлении первого действия:

Васильков. Вот, видите ли, я с вами откровенно буду говорить; у меня особого рода дела, и мне именно нужно такую жену, блестящую и с хорошим тоном¹⁵.

Стремительно богатеющий Васильков давно запланировал расширять свою сферу влияния. Одним из инструментов для установления нужных связей и продвижения своего дела он видит петербургский салон с обаятельной, привлекающей влиятельных гостей супругой. Простодушный Савва Игнатьевич готов для достижения своих целей оперировать игровыми средствами. И из филиппики в адрес Телятева (и всего телятевского окружения) – *вы ее развратили. <...> в вашем омуте женщина может потерять все – и честь, и совесть, и всякий стыд¹⁶* – становится ясно, что им отвергается игровое поведение, если оно не инспирировано им самим. Притворство и манипуляция во благо, с практической подоплекой для него имеют право на существование, бескорыстные – воспринимаются как порок.

После этого трудно поверить, что эти планы – единственная игра Саввы Игнатьевича. Может

быть, и анонимная блондинка, которой он в период разрыва с супругой оказывал внимание, тоже была частью плана по возвращению в орбиту своего влияния жены, на которую у него есть планы. И подаренная блондинке коляска в подарок стала разумным вложением, которое в конечном итоге обернулось инспирированной Лидией попыткой примирения, которая привела к его безусловному торжеству. Его искренняя любовь к Лидии сталкивалась в нем с его честолюбивыми планами, в котором она должна была выступить его помощницей, точнее – инструментом. Разочаровавшись в любви, он заключает с ней сделку, предупредив о том, как он намерен использовать ее красоту и обаяние. «Слабое сердце Василькова в этой борьбе окрепло и ожесточилось, его душа оскорблена и убита. Лидия согласилась пройти школу смирения в экономках у собственного мужа, но поэзия искреннего чувства ушла из жизни героя, несовместимая с эпохой бешеных денег. В финале комедии бюджет празднует победу над душой героя»¹⁷. Обратившись для решения своих семейных и любовных трудностей к игровым приемам, Васильков побеждает, но навсегда меняется.

Примечания

- ¹ *Островский А.* Полн. собр. соч. : в 12 т. Т. 3. М., 1974. С. 245.
- ² *Высоцкая Ю.* Актеры и актерство в пьесах А. Н. Островского : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 122.
- ³ *Островский А.* Указ. соч. С. 192.
- ⁴ Там же. С. 211.
- ⁵ Там же. С. 244.
- ⁶ *Высоцкая Ю.* Указ. соч. С. 122.
- ⁷ *Островский А.* Указ. соч. С. 237.
- ⁸ *Коломина Н.* Игровая поэтика комедий А. Н. Островского рубежа 1860-х – 1870-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. С. 124.
- ⁹ А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома ; Шуя, 2012. С. 61.
- ¹⁰ *Островский А.* Указ. соч. С. 248.
- ¹¹ Там же. С. 171.
- ¹² Там же. С. 225.
- ¹³ Там же. С. 180.
- ¹⁴ Там же. С. 245.
- ¹⁵ Там же. С. 168.
- ¹⁶ Там же. С. 227.
- ¹⁷ *Шалимова Н.* Антропологические проблемы театра А. Н. Островского : дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 50.

Образец для цитирования:

Захаров К. М. «Богиня беззаботного счастья»: игры Лидии Чебоксаровой // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 191–193. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-191-193.

Cite this article as:

Zakharov K. M. 'The Goddess of Light-Hearted Happiness': Lidiya Cheboksarova's Games. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 191–193 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-2-191-193.